

Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне)

Евгений Е. Иванов

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь,

Ольга В. Ломакина

Московский педагогический государственный университет; Российский университет дружбы народов,

Российская Федерация,

Наталья Ю. Нелюбова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Пословицы тувинского языка, как и любого другого языка, имеют национально-культурное своеобразие, которое проявляется как в наличии специфических единиц (пословиц, которые не встречаются в других языках), так и национальных вариантов паремий, общих для тувинского и других языков (универсальных, интернациональных, заимствованных пословиц). Наибольшую актуальность как в лингвокультурологическом плане, так и в типологическом аспекте (и, соответственно, наибольшую трудность) представляет собой выяснение общих черт и национально-культурно детерминированных различий пословиц тувинского языка и современных европейских языков.

Предметом исследования является семантический анализ тувинских пословиц на широком языковом фоне (в сопоставлении с пословицами славянских, балтийских, германских и романских языков). Цель исследования — разработать принципы определения этнокультурной специфики тувинских пословиц на уровне пословичных моделей, ключевых понятий, образов (на фоне современных европейских языков). Фактическим материалом для сравнения послужили издания тувинских пословиц и поговорок, полилингвальные паремиологические словари «Dictionary of European Proverbs» Э. Штрауса (1994), «European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese» Д. Пацоллау (1997) и др.

В статье выделяются и анализируются тувинские пословицы, которые имеют аналоги в европейских языках (общие пословичные модели различного типа). Они используют тождественную образность с европейскими пословицами (общие и близкие пословичные образы), содержат аналогичные ключевые понятия с европейскими пословицами (общие социокультурные, аксиологические, эмпирические концепты и/или когнитемы). Специально дифференцируются такие модели, образы и понятия, которые в пословицах тувинского языка являются проявлением паремиологического кода (природного, анималистического, сатического, гастрономического и др.), результатом культурного трансфера, следствием лингвокультурной ассимиляции.

Установлено, что большинство тувинских пословиц, которые имеют аналогичные модели, образы, понятия с пословицами европейских языков, характеризуются как собственно лингвистической, так и национально-культурной спецификой (наличием национальных вариантов структурно-семантических моделей, этнокультурных вариаций пословичных образов, этнолингвокультурно детерминированных коннотаций ключевых понятий).

Доказано, что семантический анализ на уровне пословичных моделей, образов, ключевых понятий позволяет исчерпывающе дифференцировать общее и специфическое в составе пословиц тувинского языка и современных европейских языков, что имеет решающее значение как для лингвокультурной типологии тувинских пословиц, так и для идентификации национального своеобразия тувинского пословичного фонда на фоне пословиц других языков и культур.

Ключевые слова: паремиология; пословица; семантика; структурно-семантическая модель; ключевое понятие; пословичный образ; тувинский язык; тувинский фольклор; современный европейский язык

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

Для цитирования:

Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021, № 3. С. 232-248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов Евгений Евгеньевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Адрес: 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1. Тел.: +375-29-6915001. Эл. адрес: ivanov_ee@msu.by

Ломакина Ольга Валентиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (967) 118-71-45. Эл. адрес: rusoturisto07@mail.ru, lomakina-ov@rudn.ru

Нелюбова Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (926) 532-15-77. Эл. адрес: nat.nelubova@mail.ru

Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background)

Evgeny E. Ivanov

A.A. Kuleshov Mogilev State University, Republic of Belarus,

Olga V. Lomakina

Moscow State Pedagogical University, RUDN University, Russian Federation,

Natalia Yu. Nelyubova

RUDN University, Russian Federation

As it is with all other languages, Tuvan proverbs have a certain ethnic and cultural character, which manifests itself both in the presence of specific language units (proverbs endemic for the Tuvan language) and in the local versions of the paremias which also exist in other language (universal, international or borrowed proverbs). In both linguocultural and typological aspects, the most urgent and hence the most difficult thing is to outline the common features and ethnically and culturally determined differences between the proverbs in Tuvan and modern European languages.

Our study focuses on the semantic analysis of Tuvan proverbs upon the wide background of European languages – Slavic, Baltic, Germanic and Romance. We aim to define the principal factors of describing the ethnocultural specificity of Tuvan proverbs – on the level of paremiological models, key terms and imagery (as different from those of modern European languages). The sources for comparison came from published editions of Tuvan proverbs and sayings, and polylingual paremiological dictionaries, such as “The Dictionary of European Proverbs” by E. Strauss (1994), «European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese» by D. Paczolay (1997).

The authors examine the Tuvan proverbs which have their counterparts in European languages (i.e. cases of common proverbial models of various types). These proverbs use the imagery identical or close to their European counterparts and have analogical key concepts (in the sociocultural, axiological or empirical sense, also known as cognitemes). Also differentiated are the models, imagery and notions in Tuvan proverbs which contain paremiological code of various types – natural, animalistic, somatic, gastronomical, etc. – and have appeared due to cultural transfer or linguocultural assimilation.

We have concluded that most of the Tuvan proverbs which share models, imagery and notions with proverbs in European language possess both linguistic and ethnocultural characteristics of its own, including ethnic semantic models, ethnocultural versions of imagery and ethnolinguistically and ethnoculturally determined connotations of key notions.

We have proved that semantic analysis of proverbial models, imagery and key concepts can help comprehensively differentiate between the common and the specific in the corpus of Tuvan proverbs. This is of paramount importance for both linguocultural typology of Tuvan proverbs and identifying ethnocultural specificity of Tuvan proverbial corpus as compared with those of other languages and cultures.

Keywords: paremiology; proverb; semantics; structural and semantic models; key concepts; imagery in proverbs; Tuvan language; Tuvan folklore; modern European language

The article was published with support from the Program of Strategic Academic Excellence, RUDN University.

For citation:

Ivanov E. E., Lomakina O. V. and Nelyubova N. Yu. Semanticheskii analiz tuvinskiikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 3, pp. 232-248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

IVANOV, Evgenii Evgenievich, Candidate of Philology, Associate Professor and Head, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, A.A. Kuleshov Mogilev State University, Republic of Belarus. Postal address: 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus. Tel.: +375-29-6915001. Эл. адрес: ivanov_ee@msu.by

ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

LOMAKINA, Olga Valentinovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 1 Malaya Pirogovskaya, 119991 Moscow, Russian Federation; 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (967) 118-71-45. Email: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-0298-5678

NELYUBOVA, Natalia Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (926) 532-15-77. Эл. адрес: nat.nelubova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6538-8267

Введение

Фольклорные тексты традиционно являлись предметом изучения фольклористов, однако в конце XX века ряд жанров, прежде всего паремии (поговорки, приметы, загадки и др.), стали рассматриваться лингвистами. В настоящее время паремиология выделилась в самостоятельное направление языкознания (Лепешаў, 2006; *Паремиология в дискурсе*, 2015; *Паремиология без границ*, 2020). В современных лингвистических исследованиях паремий реализуются следующие подходы: 1) тематико-идеографический принцип предполагает распределение единиц по тематике и их анализ с учётом поставленной задачи; 2) лингвокультурологический анализ учитывает взаимодействие языка и культуры, позволяя представить значение паремии с опорой на имеющуюся культурную информацию; 3) историко-этимологический анализ направлен на поиск универсального и национально-специфического в структуре и содержании паремий; 4) дискурсивный анализ представляет собой рассмотрение особенностей функционирования паремий в текстах, относящихся к определённому дискурсу для выявления функционального потенциала поговорок (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020: 268-270).

Паремии понимаются как основная лингвистическая разновидность народных афоризмов (Ivanov, 2016; Иванов, 2019ab; Иванов, 2020). Интегративный характер носит сравнительно-сопоставительный анализ паремий, который проводится с опорой на аксиологическую теорию (Ломакина, Мокиенко, 2018; Нелюбова, Сёмина, Казлаускене, 2020; Нелюбова, Хильбруннер, Ершов, 2019), теорию структурно-семантического моделирования (Ivanov, Feldman, 2007; Иваноў, 2011; Петрушевская, 2015, 2021), а также теорию культурно-языкового трансфера (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Lomakina, 2021).

Последовательное описание системы малых языков (или микроязыков, по терминологии А. Д. Дуличенко (Дуличенко 1981)) необходимо для фиксации и сохранения их как объектов нематериального наследия. Положительный опыт изучения паремиологии макроязыков и методология её исследования позволяют в малых языках выявить классы паремий как языковых единиц, семантические модели образования и стилистические особенности паремий, разработать метаязык их лексикографического описания. Анализ познавательного потенциала паремий раскрывает особенности истории, мировоззрения и мировосприятия этноса, репрезентует систему ценностных координат и знакомит с традициями коренных народов.

Тувинский язык, один из языков Российской Федерации, имеет богатый паремиологический фонд, заслуживающий специального глубокого и всестороннего изучения как в дескриптивном, так и в сопоставительном аспекте (на фоне восточнославянских и других европейских макроязыков).

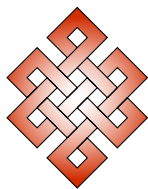
Изучение тувинских паремий имеет атомарный характер. Несмотря на наличие современных сборников поговорок¹, последовательного описания паремиологического фонда тувинского языка до сих пор не проводилось. Рассматривались лишь отдельные компоненты паремий, например, зооморфные (Салчак, 2019), нумеративные (Чугунекова, 2019), соматические (Кечил-оол, Саая, 2016, 2017), а также отражение гендерных стереотипов (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), сравнительные обороты (Доржу, 2012), пищевые образы (Доржу, 2016), образ женщины в сравнении с немецкими поговорками (Болат-оол, Пелевина, 2017). Отдельно исследовались семантика, структура и функции предложений-паремий в текстах русских художественных переводов с тувинского языка (Коняшкин, Чадамба, 2014a; Чадамба, 2015), лингвокультурологический аспект тувинских паремий в переводных текстах (Коняшкин, Чадамба, 2017), проблемы перевода тувинских паремий на русский язык (Чадамба, 2014; Коняшкин, Чадамба, 2014b).

Цель исследования — семантический анализ тувинских поговорок на широком языковом фоне (в сопоставлении с поговорками современных европейских языков), направленный на то, чтобы разработать принципы определения национально-культурной специфики тувинских поговорок на уровне поговорочных моделей, ключевых понятий, образов.

Материалом для исследования послужили 740 поговорок тувинского языка², а также 4580 поговорок из 20 европейских языков, отобранных из авторской картотеки, полученной путём сплошной выборки

¹ Поговорки и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.

² Поговорки отобраны методом фронтальной выборки из сборников: Тувинские поговорки и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с.; Поговорки и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.

из авторитетных полилингвальных паремиографических источников (Grigas, 1987; Strauss, 1994; Paczolay, 1997; Świerczyńska, Świerczyński, 1998; Котова, 2000; Muñoz, 2001; Петрушэўская, 2020).

Структурно-семантическая модель пословицы

Представление о моделировании пословиц не имеет общепринятого понимания в современной лингвистике. Ряд лингвистов вообще отказывает пословицам в возможности их моделирования по образцу иных языковых единиц, в связи с тем, что содержание пословиц формируется, как считает В. Н. Телия, вне «собственно языковой структуризации» (Фразеология, 1972: 512). Однако В. М. Мокиенко разработал понятие «фразеологическая модель» как «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающее относительную устойчивость их формы и семантики» (Мокиенко, 1989: 53), которое весьма широко используется в современной лингвистике, в том числе и по отношению к пословицам (Поляков, Полякова, 2016). Разрабатываются и собственно пословичные модели. Так, структурные модели пословиц определяются, как правило, на основе синтаксического моделирования пословиц, поэтому принципиально не отличаются от структурно-семантических типов пословиц (Лепешаў, 2006: 69–78). Изучаются и аспекты семантического моделирования пословиц, например, «стереотипная модель» (Semenenko et al., 2015) и др. В связи с этим возникает необходимость уточнения понятий «моделируемость пословиц» и «пословичная модель» (или «модель пословицы»).

Понятие моделируемости пословиц следует понимать двояко. Во-первых, с точки зрения моделирования системной (внутриязыковой) связи их плана содержания с формами его выражения (свойства пословиц как единиц языковой системы). Во-вторых, с точки зрения моделирования их плана содержания и/или форм его выражения как специфических языковых или речевых образований (независимо от свойств пословиц как единиц языковой системы). Первое понимание моделируемости пословиц можно считать внешним, поскольку оно направлено на квалификацию и описание их как разновидностей языковых единиц. Второе понимание является для пословиц имманентным, поскольку его основная задача — наиболее точно определить признаки и свойства пословицы независимо от их идентичности (или изоморфности) признакам и свойствам других языковых единиц. Определить возможности (условия и границы) моделируемости пословиц как единиц языка невозможно без попыток моделирования их отдельных признаков и свойств как специфических языковых / речевых единиц, поэтому одной из наиболее важных задач современной паремиологии, на наш взгляд, является определение и исчерпывающее описание на основе правил лингвистического моделирования различных семантических, структурных, функциональных характеристик пословиц — т. е. разработка соответствующих пословичных моделей и их последовательная верификация на материале разноструктурных языков.

Под пословичной моделью целесообразно понимать, исходя из общей концепции языковой модели (Лингвистический энциклопедический ... , 1990: 304-305), реальный или идеальный объект, который имитирует (воспроизводит) или иллюстрирует (описывает) определённые признаки, характеристики, свойства пословиц в упрощённом виде, в схематической форме, но в достаточной степени для репрезентации моделируемых параметров пословицы. Пословичные модели можно дифференцировать по предмету моделирования на семантические, структурные, функциональные и т. д. Все они разграничиваются, во-первых, по полилингвальной / монолингвальной принадлежности пословичного материала на типологические и дескриптивные, во-вторых, по объёму моделирования на общие (охватывают весь пословичный фонд целиком), частные (репрезентируют определённый тип пословиц) и единичные (как аналоги отдельных пословиц). Следует отметить, что пословичные модели различаются степенью своей репрезентативности, которая зависит, во-первых, от полноты (достаточности) пословичного материала, выступающего объектом для моделирования, во-вторых, от правильности гипотезы, исходя из которой строится модель и которая основана на предварительной информации о предмете моделирования, в-третьих, от возможности и результатов эмпирической верификации данной модели на материале одного или нескольких языков.

Наиболее репрезентативными, видимо, можно считать структурно-семантические типологические и дескриптивные единичные модели пословиц, поскольку они близки по своему объёму объекту моделирования (являются не его аналогом, а упрощённой формой), полностью основаны на эмпирическом представлении о нём (не требуют при своём построении использования специальных лингвистических теорий), верифицируются путём наблюдения и интроспекции.

Так, наглядным образцом структурно-семантической дескриптивной единичной пословичной модели можно считать реконструкцию данной поговорки в качестве реестровой единицы в толковом паремиографическом справочнике (объединение вариантных и факультативных форм её лексико-семантического состава и грамматической организации). Напр.: *Видна птица по полёту* или *Видно птицу (сокола, сову) по полёту* или *Знать (видать) птицу (сову) по полёту* (Жуков, 2003: 69); бел. <Адна> *паршывая (шалудзівая, паганая) авечка (аўца) увесь статак (гурт, усю чараду) псуе (сасуе)* (Лепешаў, Якалцэвіч, 2011: 67). Показательным примером структурно-семантической типологической единичной модели поговорки является реконструкция в полилингвальном паремиографическом словаре Д. Пацолаи лексико-семантического состава и грамматической структуры интернациональных поговорок, имеющих в разных языках свои национальные варианты (частично совпадающие и/или в различной степени отличающиеся от общего для них структурно-семантического пословичного инварианта, специально реконструируемого при их лексикографическом описании), напр.:

Misfortunes seldom / never come alone (v1) or One misfortune follows / leads the other (v2) or From one misfortune many / another follow(s) (v3) (Paczolay, 1997: 59), ср.: бел. *Бяда адна не ходзіць, за сабою другую водзіць*; *Бяда ідзе і бяду вядзе*; *Бяда не ходзіць адна* = болг. *Една беда води друга*; *Нещастие то никога ни едва само* = польск. *Nieszczęście nigdy samo nie chodzi*; *Bieda nigdy sama jedna nie przychodzi* = рус. *Одна беда не ходит: всегда другую водит*; *Беда беду родит* = слов. *Jedna bieda nechodí sama*; *Nesťastie samo nechodí* = словен. *Nesreča pride redko sama* = укр. *Біда ніколи не ходить одна*; *Біда біду родить* = чеш. *Neštěstí nikdy nechodí samo* = латыш. *Nelaipe nekad nenāk viena* = лит. *Viena bėda nevaikščioja* = англ. *Misfortunes / Hardships / Troubles never / seldom come alone / single / singly*; *One misfortune is the eve of another one*; *Troubles never come alone*; *Troubles never come singly* = нем. *Ein Unglück zieht das andere nach sich*; *Ein Unglück kommt selten allein* = исп. *Un mal no / nunca viene solo* = ит. *Un malanno non vien mai solo* = фр. *Un malheur ne vient / n'arrive jamais seul* (Петрушэўская, 2020: 18) и т. д.

Есть аналогичная по структурно-семантической модели поговорка и в тувинском языке, напр.: *Бакка бак улажыр* — К несчастью, несчастье одно за другим¹.

Следует отметить тот важный факт, что структурно-семантические единичные пословичные модели могут существовать (т. е. создаваться, верифицироваться, корректироваться, использоваться, сохраняться и т. д.) не только искусственно — как результат научной деятельности специалистов для различных целей лингвистического описания, но также и естественно — как результат речемыслительной деятельности носителей языка для различных потребностей речевой коммуникации (как неотъемлемый элемент плана содержания поговорки, выполняющий функцию идентификации структурно-семантических вариантов одной и той же поговорки, в том числе её индивидуально-авторских трансформаций, и функцию дифференциации разных поговорок с близкой лексико-грамматической организацией и схожим или противоположным смыслом). В этом смысле структурно-семантическая модель поговорки реализуется в двух разновидностях: как теоретическая модель (для лингвистического описания как аналог пословичных единиц) и как эмпирическая модель (для языкового воплощения как элемент плана содержания поговорки).

Эмпирическая структурно-семантическая модель поговорки создаётся носителями языка, воспринимается в массовом языковом сознании и в нём воспроизводится как эталон (идеальный образец), или инвариант, плана содержания данной поговорки. Такая модель имеет (или приобретает со временем) особую значимость для поговорок, которые характеризуются наличием большого количества структурно-семантических вариантов (что не редкость в пословичных фондах многих языков), и играет решающую роль в соотношении данной поговорки с её разнообразными индивидуальными вариациями в речи, нередко весьма далёкими, на первый взгляд, от оригинала (что встречается, как правило, довольно часто в языке художественной литературы, публицистики и СМИ). Однако своё наиболее важное (без преувеличения, центральное) место эмпирическая структурно-семантическая пословичная модель занимает при обобщении (объединении) национальных вариантов в разных языках одной общей для этих языков (интернациональной) поговорки, поскольку выступает в языковом сознании единственным элементом, позволяющим на уровне глубинной пословичной структуры и семантики соотнести лексико-семантическое и грамматическое разнообразие в различных языках, близких по форме и смыслу поговорок, обобщить это разнообразие в инвариантном виде, идентифицировать данные национальные поговорки как аналоги (варианты одной интернациональной поговорки).

¹ Поговорки и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 89.

В тувинском языке обнаружено значительное количество пословиц, аналогичных по структурно-семантическим моделям пословицам различных европейских языков. Так, *Тенек баш бут човадыр* — Дурная голова ноги изнуряет¹ имеет пословичные аналоги = бел. *За дурной галавой нагам небалазе (няма спакою)* = рус. *За дурной головой и ногам непокой* = укр. *За дурною головою ногам лихо* = лит. *Durna galva — kojoms klapatas / vargas* = англ. *A witless head makes a weary pair of heels* = нем. *Was der Kopf vergisst, müssen die Füße entgelten* = фин. *Tuhtmän pään takii kärsii koko ruumis* — Всё тело страдает из-за глупой головы и др. (Петрушэўская, 2020: 49–50) с общей структурно-семантической моделью *A stupid head makes much work to the feet* (v2) (Paczolay, 1997: 280–281).

Немало пословичных аналогов тувинским пословицам фиксируется в восточнославянских языках, напр.: *Акша дээрге суг*² = бел. *Грошы — вада* = рус. *Деньги — вода в решете: не заметишь, как утекут* = укр. *Гроші — як вода: кризь пальці протікають* (Петрушэўская, 2020: 144).

Достаточно часто встречаются и пословичные аналоги в тувинском и русском языках, напр.: *Аны-яңдан адың камна*³ = *Береги честь смолоду* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 992); *Мөңгүнде дат чок* — *Серебро не ржавеет*⁴ = *Чисто серебро не железет*, где олон. *зелезеть* 'окисать подобно железу; ржаветь' (там же: 805) и др.

Следует отметить, что большинство тувинских пословиц, имеющих аналоги в европейских языках, характеризуются национально-языковой спецификой, уникальным вариантом структурно-семантической модели, общей для всех пословичных аналогов в разных языках, напр.:

Алгы чугазы ойлуур, сөөк чугазы сыйлыр — *Кожа тонкая рвётся, кость тонкая ломается*⁵, ср.: бел. *Дзе коратка (тонка), там ірвецца* = польск. *Gdzie cienko, tam się rwie* = рус. *Где тонко, тут и рвётся, где худо, тут и порвется* = латыш. *Kur tievs, tur ari trūkst* = лит. *Kur trumpa, ten trūksta* = исп. *Siempre quiebra la sogá por lo más delgado* = ит. *Il filo si rompe dove è più debole* = нем. *Es reisst am ersten, wo's dünn ist* и т. д. (Петрушэўская, 2020: 151–152).

Или также: *Белекке бергенде, бе-даа, аът-даа дөмей* — *Когда дарят, не смотрят — кобыла или лошадь*⁶, ср.: болг. *На харизан кон зъбите не се гледат (броят)* = рус. *Дарёному (Даровому) коню в зубы не глядят* = чеш. *Darovanému koni na zuby se nedívej* = латыш. *Dāvātam zirgam zobos neskatās* = англ. *Never look a gift horse in the mouth* = нем. *Einem geschenkten Gaul guckt / sieht man nicht ins Maul* = фр. *À cheval donné, ne lui regarde pas en la bouche* = ит. *A caval donato non (gli) si guarda in bocca* = венг. *Ajándék lónak / csikónak né nézd a fogát / kötőfékjét / szémét / szívét / száját* и т. д. (там же: 40–42).

В результате исследования установлено, что уникальность тувинского варианта структурно-семантической модели общей для множества языков (интернациональной) пословицы обусловлена реализацией в нём этнокультурно-специфических ключевых понятий и образов, отражающих особенности материальной и духовной культуры, условий жизни и истории, социального устройства и менталитета тувинского народа.

Ключевые понятия в семантической структуре пословицы

Понятия, выраженные лексическими компонентами пословиц, обычно не рассматриваются как самостоятельные элементы пословичного плана содержания, хотя считается, что общее значение тех пословиц, которые не имеют переносного (образного) смысла, выводится из значений лексических компонентов, а в составе пословиц, у которых нет полного переосмысления всех компонентов, часть слов сохраняет свое буквальное значение. Однако нельзя игнорировать тот факт, что многие пословицы связаны разными типами семантических связей, основанных на значениях их лексических компонентов (Левин, 1984). Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что пословицы удерживаются (сохраняются) в языковом сознании и образуют системные отношения друг с другом, во многом благодаря ассоциативным связям между их лексическими компонентами, а эти связи основаны на плане содержания соответствующих компонентов пословиц, ядром которого, как общепринято

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 51.

² Там же. С. 88.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 91.

считать, является денотативно-сигнификативная сотнесённость слова, формирующая понятие как часть ментальной картины мира.

Такое понимание места и роли понятий (выраженных лексическими компонентами) в плане содержания пословицы соответствует особенностям структурирования человеческой памяти, сохраняющей значения слов, а не значения высказываний. Значения слов, а это значит и выраженные в этих словах понятия, определённым образом организованы, поскольку наша память — это не хаотичный набор понятий (а также ассоциаций, которые их связывают), но строго упорядоченная система, имеющая свою собственную структуру.

Основными элементами структуры памяти у человека являются, как известно, «пропозиции» — узлы ассоциаций, связывающие элементарные идеи (представления) и концепты (понятия) (Anderson, Bower, 1973: 2–3). Память — это сеть перекрещивающихся «пропозиций» (или единиц памяти). При этом «пропозиция» как универсальная единица памяти может иметь не только вербальную, но и невербальную форму, поскольку память кодирует также нелингвистическую информацию, которую получает через различные органы чувств, например, «визуальные сцены» (там же: 153), или представления, понятия о целых ситуациях, событиях, соотносимые, в свою очередь с определёнными устойчивыми выражениями, в том числе с пословицами.

План содержания пословиц объединяет несколько понятий, однако пословица — это устойчивая единица, которая извлекается из памяти (языкового сознания), используется в речемыслительной деятельности (внутренней речи) и употребляется в речи (акте коммуникации) в «готовом виде». План содержания пословицы, на первый взгляд, можно отнести к одному из видов т. н. «сложных семантических понятий» (соответствующих плану содержания сложных слов, фразеологизмов и т. д.), которые могут восприниматься носителями языка как целостные когнитивные единицы (Язык и структуры..., 1992: 85).

Однако пословицы являются знаками мыслей, а не понятий (пусть даже сложных). Как известно, пословицы воспринимаются носителями языка не только как целостные знаки, но и как фразовые тексты с синтаксической формой предложения, в лексико-семантической структуре которых минимум два понятия связаны пропозициональными отношениями (соположения, подчинения, условия и т. д.). В этом смысле семантическая структура пословицы, как можно видеть, соответствует структуре «пропозиции» как единицы памяти. Именно этим обусловлено то, что ассоциативные связи как между самими пословицами, так и между пословицами и другими языковыми единицами (лексическими и фразеологическими) образуются и сохраняются в человеческой памяти (и в языковом сознании) благодаря наличию (актуализации) в семантической структуре пословиц отдельных понятий, выраженных соответствующими лексическими компонентами.

Понятия, входящие в план содержания пословиц, представляют собой гетерогенную совокупность и дифференцируются по разным критериям. Так, пословичные понятия различаются по объёму на единичные, общие и пустые (нулевые), по предметности в отражении действительности на конкретные и абстрактные, по отношению к реальности на эмпирические и теоретические и т. д. Однако наиболее значимым, на наш взгляд, является противопоставление понятий, во-первых, по их месту в образовании плана содержания пословиц на ключевые (смыслообразующие) и нейтральные (не имеющие собственной значимости в пословичном плане содержания), во-вторых, по коннотативной осложнённости на образные и безобразные, в-третьих, по национальной специфичности в отражении языковой картины мира на общечеловеческие и этно-национально-культурно маркированные.

Последние три оппозиции пословичных понятий взаимосвязаны и частично взаимно обусловлены, поскольку именно ключевые понятия чаще подвергаются коннотативному осложнению (и приобретают в пословицах образное выражение), именно ключевые понятия, в том числе в своём образном выражении, выступают маркерами этнонациональной картины мира, именно коннотации и образы, используемые для замещения прямого выражения ключевых понятий, как правило, репрезентируют этно-национально-культурную специфичность пословиц, при этом не только исконных, но и этно-национально-языковых вариантов общих с другими языками (интернациональных и универсальных) пословиц.

Так, в ряде аналогичных по структурно-семантической модели славянских пословиц Весной **ведро** дождя — *ложка* грязи, осенью *ложка* воды — **ведро** грязи = бел. Вясною **кораб** вады, а *дыжка* гразі, а восенню *лыжка* вады, а **кораб** гразі = польск. Na wiosnę **ceber** deszczu — *łyżka* błota; na jesień *łyżka* deszczu — **ceber** błota = укр. Навесні **корець** дощу *ложку* болота дає, восени ложка дощу — **корець** болота (Петрушэўская,

2020: 138) используются ключевые понятия ‘много’ и ‘мало’ (в отношении к объёму вещественной субстанции), выраженные в метафорической форме. Понятие ‘мало’ передаётся посредством общей для разных национальных лингвокультур (интернациональной) коннотации лексемы *ложка* (в значении ‘количество жидкости, которое можно зачерпнуть ложкой’). Понятие ‘много’ передаётся коннотациями разных лексем, каждая из которых маркирует специфическое в каждой национально-языковой картине мира понимание объёма, который ассоциируется с количеством *грязи* и измеряется разными по объёму ёмкостями — *ведро*, бел. *кораб* ‘изделие из бересты, соломы для переноски, хранения чего-л.’, польск. *seber* ‘деревянная фляга для воды или алкогольных напитков’, укр. *корець* ‘кружка для напитков, ковш с ручкой’ (с общим для них гиперонимическим значением в пословицах ‘количество жидкого вещества, которое можно влить, зачерпнуть, налить и т. д.’). При этом в белорусском варианте интернациональной пословицы национальная специфичность распространяется и на понятие ‘грязь’, поскольку понятие ‘жидкий’ как свойство вещества *грязь* нейтрализуется — *кораб* предназначен для сухих, а не жидких веществ (это обусловлено природными условиями Беларуси, где на большинстве территории почва глинистая, поэтому грязь осенью очень вязкая, налипает на всё большими, тяжёлыми кусками).

Состав ключевых понятий в тувинских пословицах детерминирован, как показало исследование, с одной стороны, особенностями материальной культуры и условиями жизни, а с другой стороны, системой духовных ценностей тувинского народа. «На основе природного окружения, кочевого хозяйства складывались определённые отношения людей с миром, между собой, появлялись верования, обряды, обычаи. Это влекло за собой закрепление определённых духовных черт народа, свою систему взглядов и ценностных ориентиров» (Будегечиева, 2018: 12).

Как известно, система ценностных координат народа находит отражение в паремиологическом фонде языка. Выделяются общечеловеческие ценности (вера, счастье и др.) и национально маркированные (гостеприимство у азиатских народов и т. п.). Тувинский пословичный фонд содержит богатую информацию об отношении к выражающим абстрактные понятия ценностям и антиценностям, напр.:

— *Кежээнин мурнунда — хүндү, чалгааның мурнунда — кочу* — Трудолюбивому — почёт, ленивому — насмешки¹;

— *Харам кижиниң караа соок* — У скупца глаза холодные²,

— *Харам кижээ эш ырак, чоржаң аътка чер ырак* — Скупому человеку — товарища нет, ленивому коню путь далёк³ и т. д.

Одной из общечеловеческих пословичных ценностей является семья (Нелюбова, 2019). Центр тувинской семьи — это ребёнок (*ажы-төл*) как «продолжатель рода, мерило семейного богатства, благополучия, залог счастливой старости для человека» (Ламажаа, 2015: 51), что отражено в пословицах, напр.:

Авага ажы-төлү артык, аңчыга алды-киш артык — Матери дети дороги, охотнику чёрные соболя дороги⁴,

Ада кижиге оглун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр — Отец думает о сыне, как павлин о хвосте⁵;

Аът болуру кулундундан, кижиге болуру чажындан — Конь вырастает из жеребёнка, человеком становятся с детства⁶ и т. д.

Представление о тувинской семье формируется в пословицах, включающих термины родства *даай* (дядя, брат матери) и *чээн* (племянник, племянница), напр.: *Даг көргенде, бөрү омак, даай көргенде, чээн омак* — Радуется волк, в родную чашу глядя, а племянник рад, на дядю глядя⁷; а также *дуңма* (младшая сестра) и *угба* (старшая сестра), напр.: *Дуңмалыг кижиге дыш, угбалыг кижиге ус* — У младшей сестры понежишься, у старшей сестры научишься⁸ и т. д.

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 164.

² Там же. С. 57.

³ Там же.

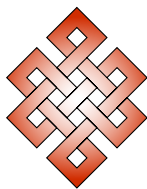
⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же. С. 27.

В тувинском фольклоре обнаружено значительное количество пословиц, аналогичных по структурно-семантическим моделям пословицам различных европейских языков, однако отличающихся наличием в плане содержания этнокультурно маркированных ключевых понятий. Так, в пословице *Кырган аът орук часпас* — Старый конь мимо дороги не пройдёт¹ актуализировано понятие *дорога*, которого нет в пословицах других языков, ср.: бел. *Стары вол (конь) ніколі баразну не скрывіць* = рус. *Старый конь борозды не теряет* = латыш. *Vecs zirgs vagas nezaudē* = нем. *Ein alter Gaul macht gerade Furchen* = фр. *Vieux boeuf fait sillon droit* = исп. *Buey viejo lleva sulco derecho* и т. д. (Петрушэўская, 2020: 270–271).

Ключевой характер понятия ‘дорога’ в тувинской национальной картине мира подтверждается его актуализацией в других пословицах, также имеющих пословичные аналоги в других языках, напр.: *Бурган чокта, орук ажык* — Без Бога дорога открыта², ср.: бел. *Без Бога ні да парога* = польск. *Bez Boga ani do proga* = рус. *Без Бога не до порога* = укр. *Без бога ані до порога* (там же: 121).

С понятием ‘дорога’ связано понятие ‘конь’, которое используется в тувинском языке в этнокультурно маркированных вариантах интернациональных пословиц, напр.: *Эртежи кижы эзерлиг аътка таваржыр* — Встающий рано человек осёдланного коня найдёт³, ср.: бел. *Хто рана устае, таму і Бог дае* = польск. *Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje* = рус. *Кто рано встаёт, тому Бог даёт (подаёт)* = укр. *Хто рано встає, тому Бог дає* = англ. *God gives help to early risers* = исп. *Más vale a quien Dios ayuda que a quien tucho madruga* = фр. *A bon gain qui se lève matin; Qui se lève le matin Dieu prête la main* и т. д. (там же: 290–291).

Образные компоненты в семантической структуре пословицы

Образные представления (образы), отражённые в лексическом составе пословиц, являются одним из воплощений словесной образности, которая в лингвистике в своём самом широком понимании квалифицируется как семантическая двуплановость, когда представление об одном фрагменте действительности (предмете, явлении, событии, ситуации и т. д.) передаётся в речи через называние иного фрагмента действительности (предмета, явления, события, ситуации и т. д.). Образность в таком понимании не является обязательной характеристикой пословиц. Многие из них, как известно, безобразны.

Так, в английском языке, например, большинство составляют пословицы с прямой мотивировкой как общего значения, так и значений своих лексических компонентов (Ivanov, Petrushevskaia, 2015). Однако поскольку пословицы воспринимаются носителями языка не только как устойчивые единицы, но и как фразовые тексты (т. е. речевые произведения), понятие образности можно расширить. Помимо семантической двуплановости, его можно интерпретировать ещё и как «наличие изобразительности, конкретно-предметного представления, наглядности, картинности при обозначении предмета или явления словом или более крупной языковой единицей», когда «образ помогает представить обозначаемое на базе других явлений действительности, в конкретном выраженном сопоставлении с ними, что способствует созданию усиленного впечатления об обозначаемом» (Матвеева, 2010: 247).

В этой связи каждая пословица может рассматриваться (и, соответственно, восприниматься) как народно-поэтическое произведение, образность которого, как и любого поэтического (художественного) произведения, состоит в том, что «одно содержание, выраженное в звуковой форме, служит формой иного содержания, не имеющего специального звукового выражения» (Винокур, 1990: 142), иными словами, отождествляется с экспрессивностью и может передаваться с помощью различных средств выразительности. Например, пословицу *Всякая вина виновата* можно считать образной, поскольку её буквальное содержание не совпадает с тем общим значением, в котором она употребляется ‘Всякая, малейшая провинность не прощается (о строгом придирчивом отношении)’ (Жуков, 2003: 79) и которое передаётся через экспрессивный образ *вины виноватой*.

Образность пословиц может быть полной (если она представлена в рамках целой фразы) или частичной (если она представлена в отдельных лексических компонентах пословицы). И та, и другая образность пословиц может быть основана на семантической двуплановости (обычно метафоры) или

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 37.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 77.

на экспрессивности передачи пословичного значения. В одной поговорке могут сочетаться разные виды образности. Это обусловлено, с одной стороны, их разной семиотической природой, а с другой — актуальностью для носителей языка одновременно всех аспектов плана содержания поговорки и её лексических компонентов.

Так, план содержания тувинской поговорки *Бөрүнү буттары чемгерер*¹, аналогичной по структурно-семантической модели рус. *Волка ноги кормят*, построен одновременно на основе нескольких типов образности: 1) при общем переосмыслении ‘Чтобы добиться цели, необходимо действовать’ реализуется образность, основанная как на семантической двуплановости фразы, так и на изобразительности, предметности, картинности внутренней формы поговорки; 2) при частичном переосмыслении ‘Чтобы прокормиться, надо искать, добывать, а не сидеть на одном месте’ (Жуков, 2003: 71) реализуется образный смысл компонентов *бөрү / волк* ‘кто-либо (человек)’ и *буттары / ноги* ‘искать, добывать, не сидеть на одном месте’, основанный на семантической двуплановости, а также образный смысл компонента *чемгерер / кормить*, основанный на изобразительности, картинности действия ‘кормить кого-либо (волка)’; 3) при употреблении в буквальном смысле по отношению к волку реализуется образность компонента *буттары / ноги*, основанная на семантической двуплановости ‘охота на свою добычу, во время которой нужно много бегать, чтобы её найти и схватить’.

Образные представления, как и понятия, выраженные в лексических компонентах поговорок, можно дифференцировать по роли в формировании пословичного плана содержания на ключевые (занимающие центральное место) и нейтральные (периферийные), по их специфичности в языковой картине мира на этно-национально-культурно маркированные и общие для разных лингвокультур (интернациональные или универсальные).

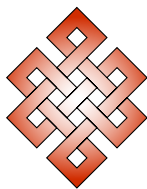
Так, в поговорке *Два медведя в одной берлоге не живут (не уживутся)* ключевым образом является не анималистический (*медведь*), а нумеративный (*два*) как выражение противоположности, противопоставленности кого-либо одного кому-либо другому, что подтверждается аналогичными по структурно-семантической модели поговорками в других языках, где реализуются самые различные анималистические образы (кота, петуха, воробья, собаки и др.), ср.: бел. *Два каты ў адным мяшку не месцяцца (не тоўняцца)* = поль. *Dwa koguty na jednym nie zgodzą się śmieciach* = англ. *Two sparrows on one ear of corn make an ill agreement* = фр. *Deux chiens à un os ne s'accordent pas* и т. д. (Петрушэўская, 2020: 149–150).

В свою очередь, нумеративный образ «два» для этих (и такого рода) поговорок является общим (относится к проявлению универсального числового кода), а анималистические образы маркируют их лингвокультурную специфику. Необходимо отметить, что этнонациональная специфичность пословичных образов далеко не всегда свидетельствует об их уникальном характере.

Так, анималистические образы медведя, кота, петуха, воробья и др. в составе аналогичных по структурно-семантической модели поговорок встречаются более чем в одном языке, что свидетельствует об их интернациональной природе, ср.: бел. *Два мядзведзі ў адным логавішчы ўжыцца не могуць* и нем. *Zwei Bären vertragen sich nicht in einer Höhle*; польск. *Dwaj w jednym worze koci nie osiedzą* и лит. *Dvi katės viename maiše nesutinka*; ит. *Non stanno bene due galli in un pollaio* и латыш. *Divi gaiļi vienā sēta nesatiek*; исп. *Dos gorriones en una espiga hacen mala miga* и фр. *Deux moineaux sur un épi ne sont pas longtemps amis* и т. д. (там же: 149–150).

Этно-национально-культурно маркированные образы характерны для исконных поговорок, в которых выступают идентификатором уникальности. Например, белорусская поговорка *Чырвонае-белае усё перадзелае* («Красное-белое всё переделает»), которая не встречается в других языках, содержит два образных компонента *чырвонае-белае* и *перадзелае*, из которых первый является ключевым (формирует общее переносное значение поговорки ‘С помощью червонцев, больших денег, взятка можно переделать, повернуть всё в свою пользу’) и национально-культурно специфическим. Только в белорусской пословичной картине мира *чырвонае-белае* означает ‘деньги’ (как результат метафорического переноса), поскольку в начале XIX века, когда возникла поговорка, территория Беларуси вошла в состав Российской Империи, где бумажные деньги отличались по цвету: банкнота номиналом в десять рублей была красной, а в двадцать пять рублей — белой.

¹ Поговорки и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 118.

Пословичная образность выступает и надёжным идентификатором этно-национально-культурной специфичности национальных вариантов интернациональных пословиц. Например, среди многочисленных пословичных аналогов в разных языках, имеющих общую структурно-семантическую модель *One scabbed sheep / calf / cow / goat / lamb / pig will mar / spoil a (whole) flock* ('Одна паршивая овца / коза / корова / свинья / один паршивый телёнок / ягнёнок испортит / испоганит (всё) стадо') (Paczolay, 1997: 292) только в белорусской пословице *Праз аднаго барана ўвесць статак паганы*, которая не входит в состав основного пословичного фонда белорусского языка (Ivanov, 2002), актуализирован анималистический образ *барана*, который, с одной стороны, манифестирует уникальность белорусского варианта интернациональной пословицы, а с другой стороны, маркирует специфичность белорусской национальной картины мира, в которой *баран* занимает особое место, широко представлен в фольклоре и классической художественной литературе (в жанре сказки, басни), в многочисленных устойчивых выражениях — фразеологизмах, пословицах, сравнениях, крылатых словах, где используется для образного выражения не только упрямства и глупости (что характерно для многих национальных лингвокультур), но также и чванства, высокомерия, зазнайства и т. п., ср.: *Другі баран ні бэ, ні мя, а любіць гучнае імя* и др. (Иванова, Иваноў, 1997).

В тувинском фольклоре обнаружено значительное количество пословиц, аналогичных по структурно-семантическим моделям пословицам различных европейских языков, однако отличающихся наличием в плане содержания этнокультурно маркированных пословичных образов, репрезентирующих разные этнокультурные паремиологические коды: анималистический, природный, соматический, гастрономический, колористический и др.

Это **анималистические образы**, из которых наиболее частотны *агт* — конь, *ыт* — собака, *бөрү*, *кокай* — волк, *куш* — птица, *өшкү* — коза, *анай* — козленок, *инек* — корова, *хой* — овца, *тоолай* — заяц, *теве* — верблюд, *киш* — соболь, *элик* — косуля, *күске* — мышь, *балык* — рыба, *сааскан* — сорока, *кускун* — ворон, *буга* — бык, *арзылаң* — лев, *чылан* — змея, *дагаа* — петух (а также обобщённые образы *аң* — зверь, *мал* — животное, скот).

Распространённость в тувинских пословицах образа собаки объясняется представлением о ней как о близком человеку существе: у тувинцев собака является олицетворением «символа честности, любви, плодородия и безграничной преданности своему хозяину», она охраняет «жилище человека, имеющего высокий общественный статус» (Бурькин, Болдырева, Музраева, 2019: 129).

Это **природные образы**, из которых чаще актуализируются *даг* — гора, *далай* — море, *хүн* — солнце, *час* — весна, *күс* — осень, *чай* — лето, *кыш* — зима, *арыг* — лес, *ыяш* — дерево, *сиген* — трава, *хат* — ветер, *суг* — река, вода, *от* — огонь, *чер* — земля, *хар* — снег.

Это **соматические образы**, среди которых частотны *карак* — глаз и *баш* — голова, гораздо реже встречаются *кулак* — ухо, *хол* — рука, *бут* — нога, *дыл* — язык, *чүрек* — сердце, *хан* — кровь, *диш* — зуб, *аас* — рот, *хырын* — живот.

Это и **гастрономические образы** — различные виды мяса (*эът*): *Чарын эьдин чааскаан чивес, чанында эшке кара салбас* — С другом в ладу и согласии живи, кусок мяса с лопатки с другом дели¹, *Тоткан кижээ тогду кудуруу кадыг* — Сытому человеку и годовалой овцы курдюк жесткий²; *чаг* — сало, названия молочных продуктов, или *ак чем* — белая пища, т. е. пища из молочных продуктов: чай, творог, сметана³, *ааржы* — питательная пища долгого хранения из молочных продуктов⁴ и др.

Это и символика цветообозначений (**образы-колоронимы**), из которых в основном встречаются следующие: *кара* — чёрный, *ак* — белый, с помощью которых в тувинских пословицах, как правило, добро противопоставляется злу. Следует отметить, что подобное цветообозначение типично для картины мира тувинского народа, в частности, широко отражено, как показывают новейшие исследования, в тувинской топонимии (Суванди, 2019).

¹ Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 65.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 80.

Заключение

Национально-языковая и этнокультурная специфичность присуща пословичным фондам разных народов в различной степени, что зависит не только от интенсивности языковых и культурных контактов, не только от степени конденсации в пословицах фрагментов этнонациональной картины мира, но и от того, насколько язык и культура данного народа подвержены извне языковым влияниям и культурным трансферам, насколько в нём общие с другими языками и народами пословицы подвергаются лингвокультурной ассимиляции (т. е. насколько быстро из «чужих» становятся «своими» за счёт прежде всего субституции в структурно-семантических моделях пословиц иноязычных ключевых понятий и образов исконными ключевыми понятиями и образами).

Пословицы тувинского народа не существуют изолированно, входят в евразийский паремиологический континуум, в котором коррелируют как с азиатскими, так и европейскими пословичными фондами. И если азиатский вектор (прежде всего монгольское влияние) традиционно учитывается, то европейские корреляты тувинских пословиц впервые вводятся в научный оборот. Обращение к широкому европейскому языковому и культурному фону позволило не только выявить в тувинском языке целый ряд пословиц типологически общих (по структурно-семантической модели, ключевым понятиям, образам) пословицам 20 европейских языков, но и установить, что в большинстве случаев тувинские пословицы, аналогичные европейским, характеризуются национально-языковой и этнокультурной специфичностью (уникальными вариантами структурно-семантических пословичных моделей, этнолингвокультурно маркированными ключевыми понятиями и образами в пословицах).

Перспективными для дальнейших исследований тувинских пословиц (как исконных, так и общих с другими языками) видятся такие предметные области, как отражение в паремиологии духовных ценностей тувинского этноса; соотношение интракультурной уникальности и интеркультурной общности познавательного потенциала тувинских пословиц в контексте культурного трансфера; проявление национального и интернационального паремиологического кода в концептуальном и образно-символическом пространстве пословичного фонда тувинского языка; степень языкового и этнокультурного своеобразия тувинских пословиц (и шире — фразеологии тувинского языка) как на фоне ареальных и культурных языковых контактов, так и в аспекте широкой лингвокультурной типологии пословичных фондов восточных и европейских языков; лексикографическое описание тувинских пословиц в нормативном и сопоставительном аспектах с этноязыковым и этнокультурным комментариями, отражающими на фоне межязыковых и межкультурных связей самобытность языка, культуры и ментальности тувинского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Будегечиева, Т. Б. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Изд-во ТуВГУ. 115 с.
- Бурькин, А. А., Болдырева, И. М., Музраева, Д. Н. (2019) Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы. № 4. С. 119–132. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>
- Винокур, Г. О. (1990) Понятие поэтического языка // Филологические исследования: лингвистика и поэтика / отв. ред. Г. В. Степанов, В. П. Нерознак. М. : Наука. 451 с. С. 140–145.
- Доржу, К. Б. (2012) Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 94–98.
- Доржу, К. Б. (2016) Использование фразеологизмов, связанных с приёмом пищи, в романе Салима Сюрюн-оола «Тывалаар кускун» // Мир науки, культуры, образования. № 5(60). С. 352–354.
- Дуличенко, А. Д. (1981) Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллинн : Валгус. 323 с.

- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Жуков, В. П. (2003) Словарь русских пословиц и поговорок. М. : Русский язык — Медиа. 544 с.
- Иванов, Е. Е. (2019а) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
- Иванов, Е. Е. (2019б) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
- Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
- Иванова, С., Иваноў, Я. (1997) Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск : БФС. 262 с. (На белорус. яз.)
- Иваноў, Я. Я. (2011) Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні // Філолагічныя студыі. Вып. 6. Ч. 2. С. 53–63. (На белорус. яз.)
- Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9–2(63). С. 107–109.
- Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–1(72). С. 92–95.
- Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014а) О некоторых особенностях введения паремий в художественный текст (на материале русских переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3(46). С. 200–202.
- Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014б) Проблема перевода тувинских паремий (на материале русских художественных переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3(46). С. 202–204.
- Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2017) Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67). С. 616–618.
- Котова, М. Ю. (2000) Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб. : Изд-во СПбГУ. 360 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребёнок и детство в тувинской культуре: традиции и современность // Человек. № 4. С. 51–58.
- Левин, Ю. И. (1984) Провербиальное пространство // Паремиологические исследования / сост. Г. Л. Пермяков. М. : Наука. 320 с. С. 108–126.
- Лепешаў, І. Я. (2006) Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы. 279 с. (На белорус. яз.)
- Лепешаў, І. Я., Якалцэвіч, М. А. (2011) Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна : ГрДУ імя Янкі Купалы. 695 с. (На белорус. яз.)
- Лингвистический энциклопедический словарь (1990) / ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия. 685 с.
- Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4(54). С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>
- Матвеева, Т. В. (2010) Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону : Феникс. 562 с.
- Мокиенко, В. М. (1989) Славянская фразеология. М. : Высшая школа. 287 с.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., Николаева, Е. К. (2010) Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп. 1024 с.
- Нелюбова, Н. Ю. (2019) Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 50–59.
- Нелюбова, Н. Ю., Семіна, П. С., Казлаускене, В. (2020) Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // Russian Journal of Linguistics. Т. 24. № 4. С. 969–990. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>
- Нелюбова, Н. Ю., Хильтбруннер, В. И., Ершов, В. И. (2019) Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 1. С. 223–243. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>
- Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.
- Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.
- Петрушевская, Ю. А. (2015) Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале

але англійскаго і беларускага языка) // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica. Т. 6. С. 213–216.

Петрушевская, Ю. А. (2021) Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремии белорусского языка // West — East. Vol. 5. № 1. С. 61–72.

Петрушэўская, Ю. А. (2020) Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамовны слоўнік. Магілёў : МДУ. 312 с. (На беларус. яз.)

Поляков, О. Ю., Полякова, М. О. (2016) Лингвистические модели английских пословиц: структурно-типологический аспект // Вестник Вятского государственного университета. № 1. С. 65–70.

Салчак, А. М. (2019) Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки. № 6. С. 25–27.

Сувандии, Н. Д. (2019) Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 195–206. DOI: 10.25178/nit.2019.4.16

Фразеология (1972) // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / ред. Б. А. Серебренников. М. : Наука. 564 с. Гл. 7. С. 456–515.

Чадамба, Ш. С. (2014) О некоторых особенностях перевода предложений-паремий в текстах русских художественных переводов с тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5-1(35). С. 191–193.

Чадамба, Ш. С. (2015) Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка : дисс. ... канд. филол. наук. Абакан. 151 с.

Чугункова, А. Н. (2019) Символика чисел в хакасской и тувинской паремииологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 10–2(37). С. 18–21.

Язык и структуры представления знаний (1992) / ред. Ф. М. Березин, Е. С. Кубрякова. М. : ИНИОН. 162 с.

Anderson, J. R., Bower, G. H. (1973) Human associative memory. Washington, DC : Winston & Sons. 524 p.

Grigas, K. (1987) Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius : Leydykla Vaga. 662 s. (На литов. яз.)

Ivanov, E. (2016) Aphorism as a Unit of Language and Speech // EUROPHRAS 2016: Word Combinations in the Linguistic System and Language Use: Theoretical, Methodological and Integrated Approaches. Trier : University of Trier. 128 p. P. 42.

Ivanov, E. (2002) Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS. 136 p.

Ivanov, E., Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages) // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica. Т. 1. С. 85–97.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. Pp. 864–872.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Muñoz, J. S. (2001) 1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso). S. A. Eiuinsa : Ediciones Internacionales Universitarias. 444 p. (На исп. яз.)

Paczolay, G. (1997) European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém (Hungary) : Veszprémi Nyomda. 528 p.

Semenenko, N. N., Lisitsyna, G. A., Voronkova, O. A., Osadchay, M. N. (2015) Stereotypic model in the focus of the value paroemia representation // The Social Sciences. Т. 10. № 6. Pp. 1170–1172.

Strauss, E. (1994) Dictionary of European Proverbs. Vol. 1–3. London & New York : Routledge. Vol. 1. 625 p. Vol. 2. 627–1232 p. Vol. 3. 789 p.

Świerczyńska, D., Świerczyński, A. (1998) Słownik przysłów w ośmiu językach. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN. 437 s. (На поль. яз.)

Дата поступления: 04.07.2021 г.

REFERENCES

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [The woman in Tuvan and German proverbs]. Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologija kak primer kul'turno-iazikovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinits) [Rusin phraseology as an example of cultural

and linguistic transfer in Slavic languages: the case of numerative units]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in modern linguistics: Approaches to studying and its text-building and linguocultural potential]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Budegechieva, T. B. (2018) *Tuvinskaia kul'tura: material'noe i dukhovnoe, traditsii i novatsii* [Tuvan culture: material and spiritual, traditions and innovations]. Kyzyl, TuvSU Publ. 115 p. (In Russ.).

Burykin, A. A., Boldyreva, I. M. and Muzraeva, D. N. (2019). Sobaka v kalmytskom i tuvinskom fol'klore [The dog in Kalmyk and Tuvan folklore]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 119–132. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>

Vinokur, G. O. (1990) Poniatie poeticheskogo iazyka [The concept of poetic language]. In: *Filologicheskie issledovaniia: lingvistika i poetika* [Philological studies: linguistics and poetics] / ed. by G. V. Stepanov and V. P. Neroznak. Moscow, Nauka. 451 p. Pp. 140–145. (In Russ.).

Dorzhu, K. B. (2012) Sravneniia v russkikh i tuvinskikh pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparisons in Russian and Tuvan proverbs which condemn negative personal qualities]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 94–98. (In Russ.).

Dorzhu, K. B. (2016) Ispol'zovanie frazeologizmov, svyazannykh s priemom pishchi, v romane Salima Siuriun-oola «Tyvalaar kuskun» [The use of eating-related phraseological units in the novel “Tyvalaar kuskun” by Salim Surun-ool]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5(60), pp. 352–354. (In Russ.).

Dulichenko, A. D. (1981) *Slavianskie literaturnye mikroiazyki: voprosy formirovaniia i razvitiia* [Slavic literary micro-languages: problems of formation and development]. Tallinn, Valgus. 323 p. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Zhukov, V. P. (2003) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [A dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow, Russkii iazyk – Media. 544 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorisms]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in modern Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob"ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanova, S. and Ivanoŭ, Ya. (1997) *Sloŭnik belaruskikh prykazak, prymavak i krylatykh vyrazaŭ* [A dictionary of Belarusian proverbs, sayings and winged expressions]. Minsk, BFS. 262 s. (In Bel.)

Ivanoŭ, Ya. Ya. (2011) Paremiiialagichnyia systemy belaruskai i ruskai moŭ: padabenstvy i razykhodzhanni [The paremiological systems of the Belarusian and Russian languages: similarities and differences]. *Filologichni studii*, vol 6, part 2, pp. 53–63. (In Bel.)

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Phraseological units with the component “Ear” in the Tuvan language in comparison with the Russian]. *Philology. Theory & Practice*, no. 9–2(63), pp. 107–109. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [The semantic peculiarities of phraseological units with the component “Hand” in the Tuvan and Russian languages]. *Philology. Theory & Practice*, no. 6–1(72), pp. 92–95. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014) O nekotorykh osobennostiakh vvedeniia paremii v khudozhestvennyi tekst (na materiale russkikh perevodov) [On some features of introducing Tuvan proverbs into a literary text: the case of Russian translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3(46), pp. 200–202. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014) Problema perevoda tuvinskikh paremii (na materiale russkikh khudozhestvennykh perevodov) [The problem of translating Tuvan paroemias: the case of Russian literary translation]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3(46), pp. 202–204. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2017) Lingvokul'turologicheskii aspekt tuvinskikh paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov [Linguoculturological aspect of the Tuva paremiology in texts of the Russian literary translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (67), pp. 616–618. (In Russ.).

- Kotova, M. Yu. (2000) *Russko-slavianskii slovar' poslovits (s angliiskimi sootvetstviiami) [Russian-Slavic dictionary of proverbs (with English correspondences)]*. St. Peterburg, SPbSU Publ. 360 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok i detstvo v tuvinskoj kul'ture: traditsii i sovremennost' [The child and childhood in the Tuvan culture: traditions and modernity]. *Chelovek*, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.).
- Levin, Yu. I. (1984) Proverbial'noe prostranstvo [Proverbial space]. In: *Paremiologicheskie issledovaniia [Paremiological studies]* / comp. by G. L. Permiakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 108–126. (In Russ.).
- Lepeshaŭ, I. Ia. (2006) *Paremiologiiia iak asobny razdzal movaznaŭstva [Paremiology as a separate branch of linguistics]*. Grodna, GrDU imia Ianki Kupaly. 279 p. (In Bel.).
- Lepeshaŭ, I. Ya. and Yakaltsevich, M. A. (2011) *Tlumachal'ny sloŭnik prykazak [Explanatory dictionary of proverbs]*. Grodna, GrDU imia Ianki Kupaly. 695 p. (In Bel.).
- Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]* (1990) / ed. by V. N. Iartseva. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 685 p. (In Russ.).
- Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018) Tsennostrye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo iazykov) [Value constants of the Rusin paremiology as compared with the Ukrainian and Russian languages]. *Rusin*, no. 4(54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>
- Matveeva, T. V. (2010) *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov [A complete dictionary of linguistic terms]*. Rostov-na-Donu, Feniks. 562 p. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (1989) *Slavianskaia frazeologiiia [Slavic phraseology]*. Moscow, Vysshiaia shkola. 287 p. (In Russ.).
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. and Nikolaeva, E. K. (2010) *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits [A grand dictionary of Russian proverbs]*. Moscow, OLMA Media Grupp. 1024 p. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu. (2019) Sem'ia kak obshchechelovecheskaia tsennost' vo frantsuzskoj i russkoj poslovichnoj kartine mira [The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world]. *Philological Sciences. Scientific Essays Of Higher Education*, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu., Semina, P. S. and Kazlauskene, V. (2020) Gurmanstvo v ierarkhii tsennostei frantsuzov i bel'guitsev (na materiale poslovits i pogovorok) [Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 4, pp. 969–990. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>
- Neliubova, N. Yu., Khil'tbrunner, V. I. and Ershov, V. I. (2019) Otrazhenie ierarkhii tsennostei v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo iazykov [The reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of the Russian and French languages]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 223–243. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>
- Paremiologiiia bez granits [Paremiology without borders]* (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).
- Paremiologiiia v diskurse [Paremiology in Discourse]* (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).
- Petrushevskaja, Yu. A. (2015) Universal'noe i natsional'noe v paremiologicheskoj sisteme iazyka (na materiale angliiskogo i belorusskogo iazykov) [The universal and national in the paremiological system of the language: The case of English and Belarusian languages]. *Acta Germano-Slavica*, vol. 6, pp. 213–216. (In Russ.).
- Petrushevskaja, Yu. A. (2021) Metodologiiia opredeleniia natsional'nogo, internatsional'nogo i universal'nogo v frazeologii i paremiologii belorusskogo iazyka [Methodology for determining the national, international and universal in the phraseology and paremiology of the Belarusian language]. *West – East*, vol. 5, no. 1, pp. 61–72. (In Russ.).
- Petrusheŭskaia, Yu. A. (2020) *Universal'ny i internatsyional'ny kampanenty ŭ paremiialagichnym skladze belaruskaj movy: belarуска-inshamoŭny sloŭnik [Universal and international components in the paremiological composition of the Belarusian language: Belarusian-foreign language dictionary]*. Magileŭ, MDU. 312 p. (In Bel.).
- Poliakov, O. Yu. and Poliakova, M. O. (2016) Lingvisticheskie modeli angliiskikh poslovits: strukturno-tipologicheskii aspekt [Linguistic models of English proverbs: the structural and typological aspect]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 65–70. (In Russ.).
- Salchak, A. M. (2019) Obraz volka v tuvinskikh i angliiskikh poslovitsakh [The wolf in Tuvan and English proverbs]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*, no. 6, pp. 25–27. (In Russ.).
- Suvandii, N. D. (2019) Toponimy-tsvetooboznacheniiia v tuvinskom iazyke [Place names of color designation in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 195–206. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.16>
- Frazeologiiia [Phraseology]* (1972) // *Obshchee iazykoznanie. Vnutrenniaia struktura iazyka [General linguistics. Internal structure of the language]* / ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka. 564 p. Part 7. Pp. 456–515. (In Russ.).

Chadamba, Sh. S. (2014) O nekotorykh osobennostiakh perevoda predlozhenii-pareмии v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [Some features of the translation of paroemian sentences in the texts of Russian literary translations from the Tuvan language]. *Philology. Theory & Practice*, no. 5–1(35), pp. 191–193. (In Russ.).

Chadamba, Sh. S. (2015) *Predlozheniia-pareмии v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [Sentences-paroemias in the texts of Russian literary translations from the Tuvan language]*: Diss. ... Candidate of Philology. Abakan. 151 p. (In Russ.).

Chugunekova, A. N. (2019) Simvolika chisel v khakasskoi i tuvinskoi paremiologii [Symbolism of numbers in Khakass and Tuvan paremiology]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 10–2(37), pp. 18–21. (In Russ.).

Yazyk i struktury predstavleniia znaniia [Language and structures of knowledge representation] (1992) / ed. by F. M. Berezin and E. S. Kubriakova. Moscow, INION. 162 p. (In Russ.).

Anderson, J. R. and Bower, G. H. (1973) *Human associative memory*. Washington, DC, Winston & Sons. 524 p.

Grigas, K. (1987) *Patarliu paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis*. Vilnius, Leydykla Vaga. 662 p. (In Lithuanian)

Ivanov, E. (2016) Aphorism as a Unit of Language and Speech. In: *EUROPHRAS 2016: Word Combinations in the Linguistic System and Language Use: Theoretical, Methodological and Integrated Approaches*. Trier, University of Trier. 128 p. P. 42.

Ivanov, E. (2002) *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague, RSS. 136 p.

Ivanov, E. and Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages). *Acta Germano-Slavica*, vol. 1, pp. 85–97.

Ivanov, E. and Petrushevskaia, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Muñoz, J. S. (2001) *1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso)*. S. A. Eiunsa, Ediciones Internacionales Universitarias. 444 p. (In Spanish)

Paczolay, G. (1997) *European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese*. Veszprém (Hungary), Veszprémi Nyomda. 528 p.

Semenenko, N. N., Lisitsyna, G. A., Voronkova, O. A. and Osadchay, M. N. (2015) Stereotypic model in the focus of the value paroemia representation. *The Social Sciences*, vol. 10, no. 6, pp. 1170–1172.

Strauss, E. (1994) *Dictionary of European Proverbs*. Vol. 1–3. London & New York, Routledge. Vol. 1. 625 p. Vol. 2. 627–1232 p. Vol. 3. 789 p.

Świerczyńska, D. and Świerczyński, A. (1998) *Słownik przysłów w ośmiu językach*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN. 437 s. (In Polish).

Submission date: 04.07.2021.